

Николай Добролюбов

**«Слухи». Газета литературная,
анекдотическая и только
отчасти политическая**

Николай Александрович Добролюбов

**«Слухи». Газета
литературная,
анекдотическая и только
отчасти политическая**

В «Слухах» Добролюбов использовал материалы из своей тетради дневникового характера – «Закулисные тайны русской литературы и жизни». Добролюбов пользовался и нелегальными печатными источниками – произведениями лондонской типографии Герцена. В некоторых случаях до сих пор остаются невыясненными его способы узнавания фактов. Например, ответ Пушкина великому князю Михаилу Павловичу, записанный поэтом в дневнике (опубликован лишь в 1880 году!), был знаком только самым близким к Пушкину людям и П. В. Анненкову, работавшему в архиве поэта; но в 1855 году Добролюбов не был знаком ни с кем, кто хотя бы косвенно был связан с этими кругами.

Содержание

№ 1, сентября 1, 1855	0005
№ 4, сентября 19, понедельник Несколько биографических и библиографических заметок о Пушкине	0013
Полежаев	0017
№ 9, октября 19, понедельник Тайные общества в России 1817–1825 года	0021
Примечания	0028

**Николай Александрович
Добролюбов
«Слухи». Газета
литературная,
анекдотическая и только
отчасти политическая**

*Слухом земля полнится.
Народная пословица*

№ 1, сентября 1, 1855

В наш просвещенный век уже не подвержена ни малейшему сомнению великая польза устных сказаний и современных заметок в многообразных отраслях наук исторических. Теперь во всех концах России ревностно занимаются разработкою исторических материалов, беспрестанно издаются в свет вновь отысканные древние памятники; первоклассные русские ученые посвящают им полезные труды свои; появляются превосходные монографии об отдельных фактах, личностях, даже годах, замечательных в нашей истории. Но, к сожалению, наука русская все еще мёртва, неполна, некрепка. Наши исторические познания до сих пор темны и сбивчивы. Это явление, очевидное для всякого и кажущееся несколько странным, объясняется, однако, очень просто. Наука в России имеет дело только с официальными фактами, только с тем, что заносится в акты, что определяется весом и мерою, годом и днем. Оттого-то она и знает только то, что в таком-то часу, такого-то числа загорелся в таком-то квартале такой-то

дом и сгорел... А кто там жил, что потерпел от пожара, какое влияние имело бедствие на судьбу его, что он спас и что потерял, куда потом переехал и пр., – это вещь совершенно посторонняя для исторической полиции. Да и негде разыскать все это... Разве остановиться на улице и послушать, что толкуют в народе... Но об этом никто и не думает, по крайней мере не думал до сих пор... А между тем здесь-то и материал для историка. Так называемое общественное мнение не есть ли выражение духа, направления и понятий народных в ту или другую эпоху? А ведь оно не записывается, потому что пишут только вещи неизвестные и интересные. А кто же станет писать или даже читать то, что всякий знает и всякий сам высказывает? Оттого-то, если твердят нам каждый день в газетах, что Севастополь взять невозможно, что русский народ отличается религиозностью и преданностью к царям, что Николай Павлович покровительствовал просвещению, а Фаддей Венедиктович есть страж чистоты русского языка, – то, наверное, это вещи весьма и весьма сомнительные... Не пишет же ведь никто трактатов

о том, что человек имеет на руках по пяти пальцев, что Павел Петрович задушен и что Клейнмихель мошенник, – не пишут оттого, что трудно найти человека, которому бы эти истины были новостью. Оттого-то и слухи так же быстро исчезают, как и появляются. Говорят о предмете до тех пор, пока полагают, что не все еще знают о нем... Как скоро известие облетит всех, его тотчас оставляют и забывают. Таким образом, каждый день являются новые вести, сплетни, мнения, задачи, решения, вопросы и ответы, словом – *слухи*, и каждый день они исчезают и заменяются другими, так что и записать их не успеют... А между тем сколько резких, живых, характеристических черт в этих эфемерных разговорах! Это не мертвые числа и буквы, не архивная справка, не надгробная надпись умершему, – нет, это сама жизнь с ее волнениями, страданиями, наслаждениями, разочарованиями, обманами, страстями, – во всей красоте и истине. Неделя этой жизни научит вас больше, нежели семь томов мертвой статистики. Десяток живых современных черт объяснят историку целый период гораздо лучше, нежели

двадцатилетние изыскания в архивной пыли, где он найдет только блестящие реляции о темных делах, указы, которые никогда не исполнялись, да следствия, в которых невозможно отыскать причины... Человек – не машина для письма; жизнь его не в канцелярских бумагах, на которые так сильно сбивается у нас и история и литература. Конечно, из русского народа не сформировался еще полный человеческий тип, но все-таки нельзя же отвергнуть того, что он формируется хоть понемножку, хоть незаметно, а формируется... И тем интереснее должно быть для нас следить за его начинающимся развитием, тем поучительнее послушать, как он рассуждает, как понимает дела – не в учено-литературной канцелярии, где он переписывает чужую резолюцию, а в частной жизни – дома, в гостях, в театре, в церкви, на улице, на рынке – везде, где только может он выразить свое личное настроение и понимание. Чем более подслушаем мы таких откровенных рассуждений, рассказов, отдельных мыслей и впечатлений, тем яснее нам будет истинный дух народа, тем понятнее будут его стремления, его

чувства, тем полнее и осязательнее представится нам картина народной жизни. Что за беда, что все эти мысли будут нам известны и, следовательно, скучны, каждая порознь: зато значительное их собрание, ensemble их, может впоследствии повести к соображениям, которые без того не пришли бы нам в голову, может обратить наш взгляд на такую точку, которой бы мы совсем и не приметили. Не всемирно-историческую важность имеет то обстоятельство, что один человек умер в судорогах, и другой тоже, и третий тоже; а собрали сотни и тысячи подобных фактов, так и увидели, что это – cholera morbus[1]. Может быть, и собранные нами слухи приведут умного человека к открытию какой-нибудь хронической болезни в русском народе; может быть, и позднейший врач заглянет в нашу газету, в которой должна отразиться современная нам эпоха с внутренней ее стороны. Не будем же слишком эгоистичны, не будем отвергать наших слухов только потому, что они нам уже известны. Поделимся с другими своим знанием, сохраним для потомства наши мысли: пусть оно увидит, что мы жили или

по крайней мере хотели жить. Может быть, мы внесем сюда ложные слухи; может быть, займемся ничтожным, опустив важное: но и в этом отразится жизнь. Только машина может работать с неизменною, размеренною правильностью и верностью. На ее стороне преимущество скорости, ровности, выгоды и т. п., но где замешается дело мысли, там живой человек всегда гораздо лучше. За доказательством далеко ходить нечего: сравните громады русского войска с армиями союзников... На чьей стороне будет перевес?

Вот убеждения, которые привели нас к мысли собирать все современные слухи, не заботясь об их исторической достоверности, и заносить их на страницы нашей газеты. Надеемся, что все, истинно любящие свое отечество, не откажут нам в содействии и поощрении. Дело, которое мы начинаем, легкое само по себе, становится трудным и даже опасным по своим последствиям. Мы хотим быть беспристрастными, сообщать своим читателям все, что только слышали. А ведь мало ли что говорят... Заочно и про царя говорят, а писать про него еще никто не писал безнаказанно,

кроме упомянутых нами автоматов... Притом народ все ведь с самолюбием у нас в России: все хотят сами делать, а другим не позволяют. Сделает человек глупость – и ничего; а только другой начнет говорить о ней – беда! Как смел!.. Уж и этой-то чести не хотят уступить другому! «Это, дескать, моя глупость: я ее сделал и никому не позволю повторять». Запретят еще, пожалуй, нашу газету... Да оно бы хорошо еще, если бы запретили: тогда бы она, как все запрещенное, быстро разошлась во многих тысячах экземпляров... А то – просто из опасения – станут скрывать все от издателей «Слухов» и пускать не будут в порядочные дома... Тогда их плохое дело: материалов не будет, а из ничего не бывает ничего, – дело известное. Выдумывать же слухов мы не намерены, потому что это прямо противоречило бы предположенной нами цели...

Таким образом, благоразумный читатель видит, что одно средство спасти нас и нашу газету – молчание. Пусть потомство оценит нас, – мы не хотим громкой славы в настоящем, и в этом отношении девизом нашим будут слова поэта:

*Пишу не для мгновенной славы,
Для развлечения, для забавы,
Для милых, искренних друзей,
Для памяти минувших дней{1}.*

«Слухи» будут выходить еженедельно по пол-листу и более. День выхода назначается понедельник, потому что в дни воскресные от нечего делать гораздо более разносят слухов... Оттого издатели предоставляют себе право выпускать иногда листок «Слухов» и среди недели, после праздника.

**№ 4, сентября 19,
понедельник**

Несколько биографических и библиографических заметок о Пушкине

Назвавши газету нашу литературною, между прочим, мы, однако, очень мало до сих пор касались в ней литературы. Виною этому, конечно, политические события, которые теперь привлекают все внимание до такой степени, что нет возможности заняться другими предметами. Но теперь, пользуясь тем, что в политическом мире, если верить русским газетам, ничего нового не происходит, а следовательно, и слухов мало, – обратимся к литературе и начнем с Пушкина, главы литературы нашей, которого стихотворениями щеголяли все теперешние журналы в первых книжках своего издания, хотя бы издание это началось уже много спустя после смерти поэта. Мы обратим внимание читателей на те произведения нашего поэта, которые нигде не были напечатаны и пропущены даже по-

следним изданием. Таких произведений наберется довольно много. Представим сначала несколько эпиграмм его...

Вот одна, направленная на какого-то придворного:

*Жил да был петух индейский,
Цапле руку предложил,
При дворе взял чин лакейский
И в супружество вступил.
Он просил детей, как дара,
И слышал Саваоф:
Уродилась цаплей пара,
Не родилось петухов!!{2}*

Другая эпиграмма его направлена на какую-то девственницу:

*Черна, как галка,
Суха, как палка,
Совсем не жалко,
Что ты весталка{3}.*

На литературные личности Пушкин также говорил много метких слов. Например, вот его слова о Булгарине, том самом Фаддее Венедиктовиче, который после смерти Пушкина причел себя в лик его друзей:

*К Смирдину как ни зайдешь,
Ничего себе не купишь:
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь{4}.*

Он же говорит в одном неизданном своем произведении, характеризуя кого-то:

*Благороден, как Булгарин,
Бескорыстен так, как Греч{5}.*

По рукам до сих пор много ходит произведений Пушкина, которые показывают нам свежего, энергического, свободного поэта, не того, который писал «Бородинскую годовщину» и другие произведения, после того как он при дворе взял чин лакейский. Известно, что назначение Пушкина камер-юнкером глубоко поразило всех благомыслящих друзей его. Никто не приветствовал его с этой милостью, так что, когда чрез несколько времени он, при представлении во дворце, получил поздравление от Михаила Павловича, то с горькой усмешкой он ответил ему: «Ваше высочество! Вы еще первый меня с этим поздравляете...»{6}

Мудрено разгадать душу поэта, мудрено

понять слова, сказанные им перед смертью: «Скажите государю, что мне жаль умереть, был бы весь его...»{7} Но что Пушкин не всегда был таков, слухи доказывают это следующим:

1. «Вольность», ода, за которую Пушкин и был сослан, говорят, на Кавказ{8}.

2. Послание к декабристам, 1825 г.

3. «Моя родословная» – произведение уже зрелых лет поэта.

Говорят, что есть еще несколько насмешливых стихотворений, писанных им в 20-х годах. Но мы не знаем даже названий их. Что Пушкин любил посмеяться и подшутить над многим, доказывают его «Десятая заповедь»{9} и письмо «О первой ночи после свадьбы»{10}. Вот еще анекдот о нем: когда его заставляли или просили написать что-нибудь к Александровской колонне, он задумался и стал вдруг как будто в недоумении говорить: «Да что же? Столб – столба – столбу!..»

Полежаев

И кто из лучших русских не бросил своего камня в наше странное и страшное правительство? От кого не получал оплеухи этот высший сан, освященный будто бы богом? Заговорив о литературе, мы посвятим уже ей весь сегодняшний лист и расскажем еще историю страданий Полежаева{11}, поэта, которого, конечно, очень многие знают по стихам, но немногие – по жизни.

Он, еще будучи студентом 2-го курса в Санкт-петербургском университете, написал поэму «Сашка», под которым разумелся и изображался благословенный царь Александр Павлович. Это было при самом конце его царствования. Когда воцарился Николай, известный сплетник не только в своем царстве, но и во всей Европе, сплетня о Полежаеве и его поэме дошла, разумеется, до него. Он приказал представить себе Полежаева, и в одну ночь явились в университет жандармы, поэта разбудили и отправили к инспектору, к ректору, к попечителю, к министру, к царю... Во дворец привез его министр просвещения

рано поутру, но Николай уже встал и даже какой-то министр дожидался его в приемной зале. Увидав здесь студента и полагая, что он совершил какой-нибудь важный подвиг, за который удостоился милости царя, министр этот (большой дипломат, вероятно) тотчас вывел свои соображения и попросил Полежаева давать уроки его сыну. Тот согласился очень охотно... Между тем их ввели к государю. Он спросил Полежаева, он ли писал поэму, заставил прочитать ее себе, спросил министра просвещения, какого поведения Полежаев, и, получив ответ, что очень хорошего, всемилостивейше повелел его отдать в солдаты – для очищения, как он говорил. При этом он поцеловал в лоб поэта и дал ему царское слово, что он его не оставит и что при всякой нужде Полежаев может писать к царю прямо. Отправили поэта в какие-то губернские войска. Прошло два года. Полежаев – все солдатом, производства ему нет. Он пишет к Николаю – нет ничего. Через несколько месяцев – еще письмо: ни привет, ни ответа. Еще письмо – и опять ни слуху ни духу. Думая, что письма его не доходят до царя, с юношеской

верою в *царское слово*, Полежаев решился ехать сам и предстать пред царские очи. Но, уехав без позволения начальства, он был схвачен в Москве и судим как беглый солдат: его прогнали сквозь строй{12}. Затем он был сослан на Кавказ и через шесть лет произведен в унтер-офицеры за отличие против черкесов. Прошло еще несколько лет. Полежаев терзался все более в своей неудовлетворенной деятельности, в убитой поэтической силе своей. Он писал и печатал стихи свои, но лучших задушевных песен его мы, конечно, не знаем, благодаря вниманию цензуры. Наконец он страшно занемог, и лечили его в Москве в солдатском лазарете. Когда он уже умирал, дали ему офицерский чин. По смерти его издатели его стихотворений хотели приложить портрет его в солдатской шинели, но цензура нашла это неприличным и заставила намалевать на портрете эполеты, которых поэт никогда не носил...{13} И русская публика поверила, что Полежаев был молоденький офицер, умерший от чахотки, которую получил, вероятно, потому, что много занимался. Но, к счастью, полнится земля слухом, и

*Не можно век носить личин,
И истина должна открыться{14}.*

И известия о жизни Полежаева взяты нами из книги Искандера «Тюрьма и ссылка», книги, известной, конечно, немногим в России, но имевшей большой успех в пограничных губерниях Польши и за границей, как и множество других произведений Искандера. Когда-нибудь мы посвятим несколько статей обзору его заграничной деятельности. Теперь пока сообщим еще интересное известие, которое мы слышали о Кулеше{15}, живущем в Англии вместе с Искандером. Он в прошлом году напечатал воззвание к донским казакам, в котором учит их, как вести себя в отношении к русскому правительству и как с ним раздельваться. Сначала идут частные советы казакам, но под конец прокламация казацкая превращается в энергическую речь ко всему народу русскому, из среды которого исключена, разумеется, фамилия Романовых, как и всех русских немцев.

№ 9, октября 19, понедельник

Тайные общества в России

1817–1825 года

Было время в первые годы царствования Александра I, когда свободно и спокойно могли заводиться и существовать в России тайные общества. В это время развелось их чрезвычайно много с различными целями. Но из всех их известнейшие и особенно замечательные были те, которые действовали в десятилетие 1816–1825 годов с преобразовательной целью.

Одно из них было основано в 1817 г. Павлом Пестелем и Александром Муравьевым. Это был «Союз спасения, или общество истинных сынов отечества»{16}. Оно имело свои правила, извлеченные из устава масонского. В основании его лежало безусловное повиновение. При посвящении в его тайны употреблялись ужаснейшие эмблемы – кинжалы, яд и пр... Члены его имели три степени: братьев, мужей и бояр. Имея своей целью единственное благо общественное, общество не могло со-

гласиться в средствах и в подробностях дела. Муравьев и кн. Трубецкой (Сергей), более миролюбивые и менее решительные, хотели только конституции или в крайнем случае республики. Пестель, напротив, искал уничтожения царской династии и протектората, особенно для себя, как говорят, по крайней мере. Скоро общество распалось,

В то же время почти основано было другое: рыцарей русских{17}. Основателем его был Михаил Орлов, незаконный, но признанный сын гр. Федора Орлова, имевший тогда чин генерал-майора. Это общество имело двойную цель – исправление злоупотреблений, распространенных во всех частях государственного управления, и противодействовать влиянию польских обществ, старавшихся о восстановлении Польши. В числе первых членов его замечателен был гр. Мамонов, старинный член масонской ложи. Это общество также прекратилось почти в самом начале.

Гораздо долее продолжалось и важнее по своим последствиям было «Общество благоденствия», которого основателями являются опять Александр Муравьев со своим братом

Михаилом и кн. Сергей Трубецкой. К числу первых членов его принадлежал и Николай Тургенев, автор известной книги «La Russie et les Russes»[2]. Он, впрочем, скоро оставил это общество.

Оно было разделено на четыре части, и в одной из них каждый член непременно должен был принимать участие, имел, впрочем, право заниматься делами и в других частях. Первое отделение, филантропическое, должно было заниматься общественной и частной благотворительностью и наблюдать за государственными учреждениями по этой части. Второму отделению поручалось заботиться о распространении истинного просвещения и для того наблюдать за школами и учеными учреждениями... Третье имело своим предметом судебную часть в государстве, должно было стараться открывать всякую несправедливость, преследовать ее и уведомлять об этом в большинстве случаев правительство. Наконец, обязанность четвертого отделения были политико-экономические исследования.

В 1819 году общество уже далеко распространилось. Оно разделилось на несколько

дирекций – главных и второстепенных, из которых в каждой были свои президенты, чиновники, наблюдатели и пр. Между членами «Союза благоденствия» известны: кн. Евг. Оболенский, Яков Толстой, капитан Семенов и др. Это общество постигла та же судьба, как и предшествующие. Одна часть его членов держалась умеренных мнений и полагала, что нужно действовать медленно, соображая и выжидая, другая, напротив, требовала решительных мер и не останавливалась ни пред царевубийством, ни пред общим кровопролитием. Вследствие этого разногласия в 1821 году и это общество расстроилось.

Но зато вместо всех этих мелких собраний возникли в России два великих союза: Северный и Южный. В последнем был главным деятелем и распорядителем Пестель, с первым – Никита Муравьев, кн. С. Трубецкой и, наконец, Рылеев. Эти два союза приняли в себя почти всех членов прежних обществ и распространили свое влияние во все концы России. Множество генералов, полковников, князей, графов и вообще членов самых аристократических фамилий принимало участие в этих

двух союзах. Оба они, впрочем, действовали сначала совершенно независимо друг от друга, и уже в 1823–1824 годах Пестель вошел в сношения с начальниками Северного союза. Пестель пользовался огромным влиянием на всех его окружавших. Рылеев говорил, что это человек в высшей степени отважный и ловкий на все, что он мог бы быть Наполеоном, только никак не Вашингтоном, потому что честолюбие его было безмерно.

В собрании Северного общества Пестель говорил речь, которою убеждал всех принять решительные меры и возбуждал овладеть царскою фамилиею и истребить ее. Но северные никак не хотели согласиться на это преступление, как они называли, и даже некоторые отказались от участия в союзе. Пестель поневоле опять должен был оставить на время свои намерения и ограничиться распространением круга деятельности в Южном обществе. Около этого времени вошли они в сношение с польскими патриотическими обществами. Но и здесь единодушия полного не было, потому что каждое из обществ имело свои особенные стремления и цели. Поляки

делали свое дело, русские должны были делать свое. В отношении к царской фамилии поляки показали более умеренности, нежели русские. Между русскими много было таких, которые вызывались на убийство Александра, и даже рассказывают, что в Северном союзе капитан Якубович едва мог быть убежден отсрочить несколько свою попытку убить Александра. Узнав о его внезапной смерти, Якубович в бешенстве прибежал в собрание общества и закричал: «Вы, злодеи, у меня его отняли!..» До такой степени ожесточены были русские: верно, и им приходилось не лучше угнетенных поляков. Но все благородные начинания истинных сынов отечества были уничтожены изменою. Какой-то офицер *Майборода*, участвовавший сначала в Южном союзе, вдруг почувствовал будто бы угрызения совести и открыл заговор. Тотчас Пестель был арестован, бумаги захвачены, восстание предупреждено, и только один Сергей Муравьев-Апостол мог несколько времени держаться в вооруженной защите. Он кричал «свобода!» и «республика!», заставлял одного попа, за деньги, читать катехизис, составлен-

ный в их обществе, но солдаты не могли понимать ничего и спрашивали только: кто же будет *царем* в его *республике*?.. С такими деятелями нельзя было ждать успеха, и действительно, в начале 1826 года и этот последний деятель восстания был схвачен... Судьба их всех известна, конечно, читателям.

Сведения эти взяты нами из книги Шнитцлера: «Historie intime de la Russie sous Alexandre I et Nicolas I»[3].

Примечания

Впервые – Лемке, I, с. 43–79 (с ошибками и существенными пропусками) датируется сентябрем – декабрем 1855 года.

Из известных девятнадцати номеров все написаны рукою Добролюбова (и являются его произведениями), кроме 7, 16 и 19, которые написаны его институтским товарищем Н. П. Турчаниновым; Добролюбов как редактор и отчасти как автор участвовал и в выпуске этих номеров (в 7 № опубликовано его стихотворение «К Розенталю»). На номере девятнадцатом выпуск газеты прекратился. М. И. Шемановский в воспоминаниях отмечает, что «Слухов» вышло не более двадцати номеров (ЛН, т. 25–26, 1936, с. 293).

В «Слухах» Добролюбов использовал материалы из своей тетради дневникового характера – «Закулисные тайны русской литературы и жизни». Добролюбов пользовался и нелегальными печатными источниками – произведениями лондонской типографии Герцена. В некоторых случаях до сих пор остаются невыясненными его способы узнавания

фактов. Например, ответ Пушкина великому князю Михаилу Павловичу, записанный потом в дневнике (опубликован лишь в 1880 году!), был знаком только самым близким к Пушкину людям и П. В. Анненкову, работавшему в архиве поэта; но в 1855 году Добролюбов не был знаком ни с кем, кто хотя бы косвенно был связан с этими кругами.

Сноски

1

холера (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

2

«Россия и русские» (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

3

«Интимная история России при Александре I и Николае I» (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Четверостишие А. В. Кольцова (эпиграф к разделу «Приложения» в книге «Стихотворения Кольцова», 1846, с. 11 третьей пагинации).

[^^^]

2

Эпиграмма принадлежит не Пушкину; ее авторы – Е. А. Баратынский и С. А. Соболевский.

[^^^]

3

Неточный текст приписывавшейся Пушкину эпиграммы.

[^^^]

4

Текст эпиграммы неточен. См. в воспоминаниях В. А. Соллогуба рассказ о том, что Пушкину принадлежит лишь последняя строка, остальной текст – автору мемуаров («Пушкин в воспоминаниях современников», Гослитиздат, 1950, с. 482).

[^^^]

5

Цитата из стихотворения А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (характеристика относится к Н. Полевому). Впервые напечатано лишь в 1857 году.

[^^^]

6

31 декабря 1833 года Пушкину был «высочайше пожалован» придворный чин камер-юнкера, дававшийся обычно юнцам, начинавшим придворную карьеру. Эпизод с Михаилом Павловичем описан в дневнике Пушкина от 7 января 1834 года (Пушкин, т. VIII, с. 35). Поэт был оскорблен такой «милостью» царя.

[^^^]

7

Доказано, что эти слова сочинены Жуковским с целью смягчить отношение царя к Пушкину. Жуковский включил их в письмо к отцу поэта 15 февраля 1837 года (см. Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина, Пг. 1916, с. 17–21).

[^^^]

8

Пушкин был выслан из Петербурга не на Кавказ, а на Украину, затем в Молдавию.

[^^^]

Стихотворение Пушкина (1821).

[^^^]

Имеется в виду стихотворение «Первая ночь брака», опубликованное впервые в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» ч. I, Лондон, 1861, среди стихов Пушкина; автор – А. И. Подолинский.

[^^^]

Большинство сведений о жизни Полежаева Добролюбов взял из книги Герцена (Искандера) «Тюрьма и ссылка» (Лондон, 1854). Добролюбов ошибочно перенес в Петербург историю вызова поэта к царю. В действительности события происходили летом 1826 года в Москве (во время коронации Николая I); Полежаев в это время только что окончил Московский университет. Некоторые неточности в изображении других фактов восходят к книге Герцена.

[^^^]

Полежаев был послан не в «губернские войска», а первоначально в Бутырский полк, квартировавший в Москве (зимой 1826/27 года полк был отправлен в провинцию); вначале поэт не писал прошений; в июне 1827 года он совершил побег, надеясь добраться до Петербурга и лично ходатайствовать о прощении; за этот проступок он был разжалован из унтер-офицеров в рядовые и лишен дворянства; сквозь строй Полежаева не прогоняли, но за побег, совершенный десять лет спустя, в 1837 году, смертельно больной поэт был жестоко наказан розгами.

[^^^]

13

Полежаев был произведен в прапорщики 12 декабря 1837 года, когда он уже умирал, находясь в госпитале (скончался 16 января 1838 года). Портрет Полежаева в офицерском мундире помещен перед титульным листом в книге «Кальян. Стихотворения Александра Полежаева», изд. 3-е, М., 1838).

[^^^]

14

Цитата из оды Державина «Вельможа» (1794).

[^^^]

15

Имеется в виду, очевидно, Энгельсов В. А. (1821–1857), русский эмигрант, автор четырех прокламаций к казакам и крестьянам (1864). Среди лондонских знакомых Герцена Кулеш неизвестен.

[^^^]

16

«Союз спасения» – раннее декабристское общество; основан в 1816 году Муравьевым, при участии П. И. Пестеля и других. В 1818 году «Союз спасения» распался и взамен был создан «Союз благоденствия» (Добролюбов называет его «Обществом благоденствия»).

[^^^]

По новейшим данным, «Орден русских рыцарей» был основан значительно ранее – в 1812 году. Организаторами и активными членами «Ордена» были действительно М. Орлов и Дмитриев-Мамонов (см. статью Ю. М. Лотмана «М. А. Дмитриев-Мамонов – поэт, публицист и общественный деятель». – «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 78, 1959, с. 19–92).

[^^^]

[^^^]